

Н. А. ОЦУП

Вокруг имени Н. С. Гумилева

(отрывок)

<...> Многие и много раз возмущались самой идеей Цеха поэтов, находя в ней внутренние противоречия: поэты все-таки не ремесленники. Цех был необходим в какой-то момент, как реакция против крайностей символизма. Он был трезвым напоминанием о том, что и поэзия дело рук человеческих, и что в ней многое можно совершенствовать путем работы и тренировки. Формула была скромнее символических и дала результаты в поэзии Ахматовой, Мандельштама и других.

Построенный по образцу средневековых ремесленных цехов, Цех поэтов имел своего почти бессменного председателя — синдика Н. С. Гумилева. Секретарем первого Цеха была Ахматова. Несколько искусственная и в общем не соблюдавшаяся дисциплина воспринималась многими со стороны без особой симпатии. Создалось впечатление, будто каждый член Цеха горой стоит за другого и готов отстаивать его вопреки убеждению. Эта не существовавшая на самом деле «круговая порука» восстанавливала людей самых разных толков и против членов Цеха, и, в особенности, против самого Гумилева. Но он не хотел сдаваться. Его ораторская деятельность отчасти была жертвой.

В общем роль учителя вряд ли так уж его привлекала. Не может поэт, которому есть что сказать самому, отдать главные силы «учебной» и просветительной работе. Да и ученикам его это не могло быть особенно полезным. Человек, не нашедший своей темы и своего голоса, не мог быть долго чем-то по одному желанию Гумилева. Настоящий же поэт рано или поздно восставал на учителя, чтобы отбросить навязанное и внушенное и свободно проявить свое.

Гумилев отлично понимал все это и все-таки продолжал быть синдиком Цеха и организатором всяческих студий и кружков.

Кое в чем деятельность эта была полезна, но самому Гумилеву она стоила слишком многого. Получалось несоответствие между затраченными усилиями и достигнутыми результатами. Как-никак ни один из настоящих поэтов Цеха не пошел по следам своего синдика, и формулы, проверенные им для себя, никому из них подойти не могли.

Драгоценным для окружения Гумилева был пример его удивительной преданности поэзии. Но для него самого Цех был, пожалуй, слишком неблагоприятным делом. У многих именно из-за его упорной работы в Цехе создалось убеждение, что Гумилев не поэт, а преподаватель поэзии. В Петербурге это многим приходилось слышать, например, от М. Кузьмина.

Говорят, «дурная слава бежит, хорошая лежит».

Слава учителя, чуть ли не педантичного и не очень способного на личное творчество, быстро начала устанавливаться за Гумилевым.

Иногда читаешь вслух прекрасные строчки и кто-нибудь спросит: чьи это стихи?

— Гумилева.

— Гумилева? И в вопросе слышится глубокое удивление: репутация «преподавателя поэзии» не вяжется с репутацией замечательного поэта.

А между тем какие есть у Гумилева прекрасные стихи! К одному из них, почти при мне написанному, я вернусь ниже...

Заседания последнего Цеха происходили в обстановке совершенно исключительной.

— Случайных пуль не слышно нам,
Гуляют чашки по рукам
И ложечки звенят... Курсанты
С огромным рыжим полотном:
»Долой наемников Антанты!«
Идут по улицам...

Было все-таки что-то вызывающее и героическое в подчеркнутом пренебрежении Гумилева к тому, что происходило за окном.

— Не смей трогать моих чертежей!— крикнул Архимед воину, занесшему над ним меч.

Гумилев мог бы сказать то же красноармейцу, пришедшему его арестовывать. <...>

Пишу эти обрывочные воспоминания под безоблачным небом Прованса.

Одно из главных впечатлений этих дней и мест — удивление перед силой жизненности русских, всюду создавших санатории, колонии, фермы. Об этом необходимо написать отдельно.

Вчера, беседуя с одним русским живописцем-пчеловодом, влюбленным в свое искусство и еще больше в своих пчел, я вспомнил, что заветной мечтой Гумилева было именно это: уехать из Петербурга на юг Франции, стать пчеловодом, куроводом и писать, писать.

Увы, это не сбылось, как не сбылась мечта Сологуба завести корову и поселиться под Ревелем, как не сбылась мечта Пушкина бежать «в обитель дальнюю трудов и мирных нег»¹.

Сельская эклога могла бы стать одной из главных форм русской поэзии, если бы судьба ее была менее трагичной.

